

РУССКИЕ НОВОСТИ

№ 221

26 AOUT 1949

Les Nouvelles Russes

Выходит по пятницам

5-й ГОД ИЗДАНИЯ
Cinqième Année

Tous les vendredis

PRIX DU NUMERO

25 frs

РЕДАКТОР А. Ф. СТУПНИЦКИЙ Адрес Редакция и Конторы : 16, rue du Croissant — PARIS 2 Тел.: CEN. 44-27. Rédacteur en chef A. Stounitzky

На подмостках Московского Художественного Театра

В Париже получена новая книга — "Воспоминания" артиста Моск. Художественного Театра Л. Леонидова.

Приводим из нее главу, в которой знаменитый артист рассказывает о своем вступлении в театр.

Я СЛУЖУ в Корша в сезон 1901-2 года. У меня на квартире раздается телефонный звонок: «С вами говорит личный секретарь Вл. И. Немировича-Ланченко. Вл. И. просит узнать у вас, свободны ли вы на будущий сезон и если свободны, то он желал бы с вами пообщаться. О дне встречи он сообщит дополнительно».

Я ответил, что на сегодняшний день с Коршем на будущий сезон ни словом, ни контрактом не связан.

«Очень хорошо, я так и передам Владимиру Ивановичу».

Прошла неделя, другая, от Немировича ни слуху, ни духу. А тут Корш, точно проносив о намерении МХТ меня пригласить на будущий сезон, поймал меня в своей ложе:

— Голуба, значит, по духам, даю тебе прибавку на будущий сезон. — обнял и убежал. Я даже не успел опомниться.

А на другой день мне звонят по телефону от Владимира Ивановича, что он приглашает завтра на обед. Не на деловую встречу, а на обед. Мое положение... Меня приглашают не на переговоры о моей работе в МХТ, а в гости, на обед. Что же мне было сказать: «Обедать не буду, так как остался у Корша». — и после секунд-

ной паузы поблагодарил за приглашение. На другой день иду и думаю: что-то будет?

Владимир Иванович меня очень любезно, как это он умел, принял, познакомил меня со своей женой Екатериной Николаевной. У него же я встретился с его матерью, Александрой Каспарович, с которой я встречался в Киеве, когда служил у Соловцова, где служила и Варвара Ивановна Немирович, полная сестра Владимира Ивановича, а при ней жила ее мать.

Короткий разговор на общие темы, как в светском салоне. Приглашают к столу. Я сижу сам не свой, чувствую, что наступит разговор о моей работе во МХТ.

После обеда Вл. И. приглашает меня в кабинет, и за чашкой кофе начинается разговор. Он меня видел на дебюте в Хлестакове, в роли Константина в «Летях Ванюшина» я ему понравился. Конечно, у меня есть недостатки, с которыми надо бороться, но в общем приглашает в театр. И тут я должен был ему признаться, что я ждал извещения. — в это время мне предложил Корш — что мне было делать? Самому напрашиваться неудобно. Сказать Коршу, что меня зовут во МХТ, это значит набивать себе цену у Корша. Я и не сказал ничего Коршу и согласился на его условия...

Пауза. Вл. И. на меня смотрит, точно хочет сказать — зачем же я тебя кормил обедом, зачем же я всю эту церемонию развел? Но сказал, что меня понимает и если я пожелаю работать во МХТ, одно мое слово — и все будет сделано. И даже весной 1902 года, когда я встретился с ним случайно в Севастополе, куда он приехал после огромного успеха «Мешан» в Петербурге, он мне сказал: «Вы не забыли о моем предложении?»

Второй сезон у Корша складывался для меня мало интересным. Мне стало скучно. Я вспомнил предложение МХТ, написал письмо Немировичу. Надо было снести с С. Т. Морозовым, без которого ни Станиславский, ни Немирович-Ланченко материальной стороны не касались, а поскольку мне нужно было вернуть взятый у Корша аванс в 800 рублей, назначить мне жалованье. — запросили Морозова, и из Парижа пришла телеграмма — принять Леонидова. В театр меня зачислили с 18 февраля 1903 года, а дебютировал я 25 марта того же года в роли Пепла («На дне»). Конечно, волновался, как полагается в таких случаях. Мне дали несколько репетиций.

Наконец, наступает 25 марта, утренник. В этот день был праздник. Вхожу в каморку, где живет Вася Пепел. Открывается дверь, протягивается рука Станиславского: «Ни пуха, ни пера!».

— Внимание, начинаю, занавес. — И пошел занавес, и началась моя жизнь в Московском Художественном театре, ныне именуемом: Московский Художественный театр имени Ленина и имени Трудового Красного Знамени Академический театр СССР.

ни, Горького, в котором я служу по сей день.

И публике, и Станиславскому я понравился. После третьего действия, где кончается моя роль, он меня благодарил, тряс мою руку, восхищался моим темпераментом и вообще искренно был очень доволен.

В сезон постановки «На дне» театр переехал из Кадетного двора в Камергерский переулок, ныне проезд Художественного театра. Театр благодаря стараниям и сделкам Саввы Тимофеевича Морозова, переделан заново, та часть, где помещается сцена, заново построена. Здание принадлежало богатому нефтепромышленнику Лианозову.

В период моих переговоров с Художественным театром мне пришлось довольно часто бывать на спектаклях МХТ. Я старался понять и почувствовать сущность спектаклей, мне хотелось разгадать секрет слаженности спектаклей, мне хотелось войти целиком в этот замечательный ансамбль.

Как-то в антракте захожу в директорский кабинет и совершенно неожиданно вижу — сидит Горький. Молодой Горький, 35 лет. Весь радостный, смеющийся. Шевелюра волос Темносиняя, свконная косоворотка, полная саванна пинжком, брюки в сапоги. Проницательные глаза.

Помощник режиссера вбегает: «Алексей Максимович! Проню на выход. Публика требует». Тогда еще выходили на вызовы сцени актеров.

В следующем сезоне 1903-4 года были показаны два спектакля: «Юлий Цезарь» и «Вишневый сад» Чехова.

Я был участником первого спектакля «Вишневого сада». Тут же я познакомился с А. П. Чеховым.

Помню первый мой визит к Чехову. Он жил тогда на Петровке, во дворе дома Корвина. Мы, участники спектакля, пришли к нему. Сидит в кабинете. Встречает с улыбкой, но глаза грустные, очень грустные... Курить все ухалил на площадку падальной лестницы.

До своего приезда он прислал пьесу, и Владимир Иванович прочел нам ее. Причем всех поразило заявление Чехова в письме к Владимиру Ивановичу, что он написал волевым. Читал Вл. И. в буфете. Читал очень хорошо.

Помню хорошо премьеру «Вишневого сада» 17 января 1904 года, случайно совпавшую со днем именин Антона Павловича. Он оговаривался, что вначале не примет: а вдруг провалится пьеса: ему позвонят. Но так как как после третьего акта было намечено его открытое чествование, о чем он не подозревал, за ним заехали, как только начался 3-ий акт.

Направляюсь из своей уборной на сцену, готовясь к финальной сцене в 3-м действии, вижу — на ливанчике, около часов, где обыкновенно актеры ждут выхода, сидит один Чехов. Ни жив, ни мертв. Я вдруг вспомнил провал «Чайки» на премьере в Александринке и подумал, что он теперь переживает. Но он себя держал в руках, и у него наплыв слова утешения для меня:

— Послушайте, чего вы волнуетесь, это же все пустяки. И Оля тоже волнуется.

После 3-го акта, прошедшего с большим успехом, открыли занавес. Вся труппа и лежачая на сцене. Выходят Чехова. Тром аплодисментов. Все в зрительном зале встают. Первое приветствие от МХТ читает Немирович-Ланченко.

Помню, какой был для меня радостный подарок, когда я получил от Чехова его портрет с собственноручной надписью, латинской лентой премьеры «Вишневого сада».